До чего уязвим человек! Только тронь устроенную им игру, разрушь построенные им кубики, как тут же — крик, шум и ярость...

Мария Бородина.
Лестница со сломанными ступенями

Мария Бородина опубликовала свою новую повесть в родном для меня ростовском журнале «Дон». Яркий публицист и проницательный социальный аналитик, Бородина побуждает вдуматься в сознание нынешних россиян, которым достался в наследство старинный дом, построенный дедами в минувшую эпоху.

Дом плох. Что с ним делать? Ждать, пока удары непогоды развалят его окончательно? Или продать музейщикам? И остаться жить при музее? Или на оставшиеся деньги выстроить новый дом, попроще и попрактичнее?

Вопросы, возникающие попутно, не имеют односложных ответов. Что такое «настоящий пермский дух»? С кем из местных старожилов русским казакам было легче сотрудничать: с угро-финнами или с татарами?

И наконец, основополагающий вопрос этого сотрудничества, на который надвигающаяся на нас эпоха предлагает противоположные ответы: «Сила — это единая воля, а многообразие — это разнобой. И никакими призывами разнобой силой не сделать. Так ведь, а?»

Многообразный разнобой или единообразие силы?

Посмотрим, как станет отвечать на подобные вопросы надвигающаяся на нас эпоха...

Хочу заметить еще одну проблему, которой касается Мария Бородина. Что делать молодым в этом меняющемся миропорядке? И только ли к лучшему (для молодежи) он меняется?

Да вроде бы к лучшему... Было единообразие — наступает вариативность.

«Закладываются модули миров на любой вкус. Хочешь — воюй супероружием. Хочешь — живи мирно на природе с рыбалкой и охотой. Хочешь — строй город или целую планету, а то просто — счастливую семью. Что хочешь! Все можешь! Сотни вариантов. И фишка в том, что каждый модуль совместим с другим — война с рыбалкой, счастливая семья с жизнью чудовищ. Число создаваемых по воле игрока реальностей — пропасть!»

Как бы не провалиться в эту пропасть... Как найти себя, если на смену гибельной серьезности военного и послевоенного времени приходит возможность фантазировать и играть как хочется? И куда пойдет энергия подростков, почувствовавших такой кайф? Куда их поведет нелегкая (или легкая?) В экстремальные виды спорта? В безумие зацеперов, жаждущих обратить

на себя всеобщее внимание. Но как им этого добиться? Сбиваться в уличные банды и вышибать у прохожих деньги на очередную порцию наркотика? Или — это уже за пределами моего разума! — идти в кружки малолеток, нацеленных на самоубийство?

Не укладывается все это у меня в голове.

А у Бородиной укладывается в такие вот диалоги:

— Парню двадцать лет, учится в МГУ, а в голове такая хрень. Это надо же не лениться встречать рассвет, да еще босиком! Их там целая кодла собирается. Ходят за руки, водят хороводы. Это же с ума сойти, чем занимаются.

— Игра это. Пройдет.

— Пройдет? А что после таких игр с их мышлением будет?

— Другие игры начнутся.

— Какие еще игры?

— Какие-нибудь, обычные.

— Ну да, бильярд, карты... Да не корчь ты физиономию. Знаю я, о чем ты. Примитив и упрощение — эта ваша теория игр. Взрослые, по-настоящему взрослые люди заняты серьезными делами, а не играют в них. Поиграл бы я за хирургическим столом! Взрослеть надо, мужать, а не тетешкаться со своими неврозами...

Человечество, отшатнувшееся от смертельной угрозы атомной войны, надеется обеспечить людям сравнительную безопасность и устойчивость. Но как это отразится на психологии новых поколений, сроду не ведавших ни безопасности, ни устойчивости?

Пока что так: играть охота! Тысячные толпы спортивных болельщиков дерутся на трибунах стадионов из-за того, кто лучше катает мячик по травке!

Власти ищут выходы. Организует массовые мероприятия, в ходе которых надеются унять энергетический голод поколений, вырвавшихся из-под пионерско-комсомольской опеки и упивающихся возможностью играть в жизнь!

Чем эти игрунюшки обернутся в наступающем «безопасном» мироздании, если опасность сокрыта в самой природе человека, ухватившегося за роль царя природы?

Что нам делать со своей-то природой?

Мария Бородина не дает скорых ответов на такие вопросы. Но заставляет над ними задуматься.

Ответ даст реальность, во власти которой мы окажемся в надвинувшемся тысячелетии.

Если, конечно, прежде не доиграемся до конца света.